

Наталия Азарова

Natalia Azarova

Институт языкознания Российской академии наук

Institute of linguistics of Russian Academy of Sciences

natazarova@gmail.com

Возвращение русской революции через перевод: проблема мигрирующих понятий (на материале перевода А. Бадью «Век»).

The comeback of Russian revolution through translation: the problem of migrating notions (based on the translation of A. Badiou “The Century”)

Ключевые слова: Мандельштам, Целан, Век, Бадью, мигрирующие понятия

Abstract

The paper is dedicated to the analysis of key notions in “Le Siècle” (The Century, 2005) by A. Badiou and its Russian translation (2016). For Badiou XX century is marked by the beginning of Russian Revolution and the end of the Soviet Empire. Thus, he looks for the voices that can represent the Century, so that the Century could speak for itself with their voices (Mandelstam, Celan, Pessoa, Brecht, Malevich). Many quotations from foreign poetry that were translated into French in the original text create both translingual and crossdiscursive interactions that allow the key notions (зверь ‘beast’, жестокость ‘cruelty’, совместность ‘togetherness’, чистка ‘purge’, настоящее ‘present, real’) to migrate. The correlation of poetical and philosophical discourses within one text provokes new translations of poetry to French. The Russian translator of Badiou’s text, in his turn, has to make new translation of the previously translated texts, thus, in order to coordinate the key notions he bases the translation on several languages at the same time. The Russian version of The Century opens the discussion on the need of the consistency of the translation of key notions already introduced in Russian culture by previous texts.

Key words: migrating notions, Badiou, Mandelshtam, Le Siècle, Celan

В 2005 году Аллен Бадью выпускает книгу под названием «Век» («Le Siècle», (Badiou 2005)), имеющую целью представить идею XX в. как мысль века о себе самом. Эта

книга явилась итогом лекций, прочитанных в самом конце XX в., то есть с 1998 по 2000 гг. В 2016 г. вышел мой перевод «Века», выполненный совместно с Марией Титовой и Олегом Никифоровым, на русский язык (Бадью 2016).

На материале этого опыта работы я рассмотрю проблему перевода текстов смешанной дискурсивной природы, прежде всего, поэтического и философского, но не только. Я покажу, что понятия мигрируют одновременно и из дискурса в дискурс и из языка в язык, что это сходные и часто взаимосвязанные процессы, только совместный учет которых может обеспечить корректность перевода.

Хронология XX века определяется Бадью временем, когда мысль века наиболее очевидна: век начинается войной 14-18 годов, войной, которая включает в себя Октябрьскую революцию 17 года, а заканчивается распадом СССР и завершением холодной войны. Таким образом, малый век (75 лет), – это «в целом, советский век», выстроенный при помощи таких классических параметров, как мировая война и мировая революция.

Определяя свой метод философской рефлексии над XX веком, философ говорит, что он отталкивается от «голосов и форм», в которых век свидетельствует сам о себе.

Особо важными документами становятся тексты, взывающие к смыслу века от лица самих же его участников; понятие текст понимается достаточно широко –включая как поэзию, так и картины, киноэпизоды, постановки и т.д. В свидетели века призываются Мандельштам, Малевич, Фрейд, Хайдеггер, Фернандо Пессоа, Пауль Целан, Сен Жон Перс, Андре Бретон, Брехт, их тексты признаются законными документами для исследования вопроса, что век значил для самих людей.

Вторая глава книги Бадью называется «Зверь». Стихотворение Мандельштама «Век» определяется как образцовый документ века, а его метафора «век-зверь» переключалась из поэтического дискурса в философский. Философ сначала буквализирует метафору, давая вслед за Мандельштамом рентгеновский снимок зверя, – «хребет», «позвоночник», «тёплый хрящ» и т. д., затем развёртывает ее и, наконец, превращает «звериность» в философский предикат. Органическое, а не механистическое

(характерное для XIX века) видение века – это долг и особенность мысли XX века. Век субъективируется как живое единство.

Ещё один философский концепт, характеристика века, которую выводит Бадью – это волюнтаризм: «...кто сумеет // заглянуть в твои зрачки...» История – это огромный могущественный зверь, нужно заставить её служить нам, нужно смотреть ей в лицо. Бадью от имени Мандельштама ставит знак равенства между жизнью и историей. Проблематика стиха отождествляется с проблематикой века, век-зверь подразумевает связь витальности и волюнтаризма.

В то же время, по Бадью, «Век-зверь Мандельштама – не что иное, как вездесущность раскола», провоцирующая «последний и решительный бой»¹.

Хотя существует целый ряд переводов «Века» на французский язык в частности переводы Франсуа Кереля и Анри Абриля², А. Бадью специально для этой книги сделал собственный перевод стихотворения О. Мандельштама³.

Бадью следует стратегии апроприации: философ должен говорить от имени поэта и превратить поэтические концепты в философские, что и происходит с концептами *зверь, звериность, жестокость*.

Попутно отметим, что подобная стратегия в целом характерна для цитирования в философском дискурсе. Обычный способ воспроизведения поэтического текста философом – это цитирование по памяти, и чаще всего поэтический текст, если он цитируется не целиком, обнаруживает значительные несовпадения с оригиналом.

---

1 La «bête» de ce siècle, qu'évoquait Mandelstam, n'est autre que l'omniprésence de la scission ... la lutte finale (BADIOU 2005: 61).

2 Ossip Mandelstam "Tristia et autres poèmes" (Trad. du russe par [François Kérel](#)) // Collection [Poètes russes contemporains](#) (n° 6), Gallimard, 1975, 1982. *Ossip Mandelstam, 1923 Traduit par Henri Abril* Dans : Ossip Mandelstam Poèmes, collection bilingue, Editions Librairie du Globe, 1992.

3 Siècle mien, bête mienne, qui saura // Plonger les yeux dans tes prunelles // Et coller de son sang // Les vertèbres de deux époques ? // Le sang-bâtitseur à flots // Dégorge des choses terrestres. // Le vertébreur frémit à peine // Au seuil des jours nouveaux. // Tant qu'elle vit la creature // Doit s'échiner jusqu'au bout // Et la vague joue // De l'invisible vertébration. // Comme le tendre cartilage d'un enfant // Est le siècle dernier-né de la terre. // En sacrifice une fois encore, comme l'agneau, // Est offert le sinciput de la vie. // Pour arracher le siècle à sa prison. // Pour commencer un monde nouveau, // Les genoux des jours nouveaux // Il faut que la flûte les unisse. // C'est le siècle sinon qui agite la vague // Selon la tristesse humaine, // Et dans l'herbe respire la vipère // Au rythme d'or du siècle. // Une fois encore les bourgeons vont gonfler // La pousse verte va jaillir, // Mais ta vertèbre est brisée, // Mon pauvre et beau siècle ! // Et avec un sourire insensé // Tu regardes en arrière, cruel et faible, // Comme agile autrefois une bête // Les traces de ses propres pas (BADIOU 2005: 26).

«Ошибки» философов объясняются тем, что философ апроприрует поэтический текст, придает ему характер философского высказывания и не только сам говорит словами поэта, но и заставляет поэта говорить как философа. Философский текст, инкорпорируя поэтический, стремится избавиться от роли метатекста, таким образом при цитировании понятия мигрируют абсолютно свободно. Почему при переводе из одного дискурса в другой возникает и необходимость нового перевода с языка на язык - новый перевод обеспечивает эту свободы миграции.

Основное мигрирующее понятие, которое необходимо перевести, это само слово «зверь». Мы видим, как Бадью настаивает на слове *bête*. В других переводах это либо *brute* (у Кереля), либо *fauve* (у Авриля). *Brute* не подходит Бадью, потому что сразу отсылает не к буквальному, а к переносному значению слова «зверь». Звериность, таким образом, сразу стала бы предикатом века-человека, а не века-зверя. Для Бадью же важна не только звериность как жестокость, но и зверь как живой организм. С другой стороны, *fauve* - это хищник, в то время как зверь Мандельштама жесток и слаб одновременно, что дает возможность философу избежать оценочности в характеристике века.

Бадью, переводя Мандельштама, в отличие от других переводчиков, выстраивает четкий деривационный ряд: *vertèbre* (позвонок), *vertebration* (позвоночник), *vertèbreur* (захребетник), При этом, чтобы удержать консистентность понятия, философ идет даже на то, чтобы создать окказиональное слово *vertèbreur*. Видимо, консистентность понятия важнее для философа, чем для поэта, но и поэт, представленный как философ, начинает говорить консистентными понятиями.

У переводчика на русский в какой-то мере привилегированное положение по отношению к Бадью, потому что мы имеем дело не с переводом, а с оригиналом стихотворения Мандельштама, и переводя философский текст, мы можем пользоваться предикатами, производными от оригинального текста. Проиллюстрируем взаимосвязь дискурсивных и межъязыковых трансферов схемами.

Перевод Бадью мы понимаем как междискурсивную процедуру, а не как межъязыковую.

Зверь и его предикаты (*органичность, свирепость, жестокость, насилие*) снова появляются в главе «Жестокость» («Свирепость?»), посвященной Сен Жон Персу⁴ и Фернандо Пессоа, прежде всего его «Морской оде».

«Морская ода», самое знаменитое произведение Пессоа, не была переведена на русский язык. Перевод «Века» Бадью сначала вынудил меня перевести цитируемые фрагменты, а потом спровоцировал перевод всей оды, которая вышла отдельной книгой-билингвой в 2016 г. (ПЕССОА 2016). Таким образом, «Век» Мандельштама через текст Бадью повлиял в некоторой мере и на перевод Пессоа.

«О пираты! пираты!

Томление по запретному слито со **зверством**

Томление по вещам абсолютно **свирепым** и мерзким...» (ПЕССОА 2016: 75)

«Свирепость» в русском языке более связана с темой зверя или человека как зверя, чем абстрактная «жестокость». В отличие от слова «свирепый», «жестокий» в русском языке может относиться только к человеку и никак не к зверю. Можно сказать *жестокая красавица*, но вряд ли можно сказать *жестокая собака*, с другой стороны, если мы говорим о тиране или о диктаторе, то он может быть и жестоким и свирепым.

Очевидно, чтобы обеспечить миграцию этого предиката века между философским, политическим и поэтическим дискурсом и между тремя языками (русским

---

⁴ Сен Жон Перс пишет по-французски. В тексте повторяется *betes*. В русском переводе мы воспользовались готовым переводом Галины Погожевой (Сен-Жон Перс 2003). Лошади у нее называются животными, а не зверями, что, может быть, само по себе неплохо, но мешает миграции понятий.

французским и португальским) было бы заманчиво перевести название главы «Cruautés» как «Свирепость», так как глава «Жестокость» вряд ли бы апеллировала к семантике зверя и Мандельштаму.

Однако существует еще одна дискурсивная интерференция - укорененность в культуре перевода «Teatre de la cruauté» Арто как «Театр жестокости», и справедливо было бы это учитывать. Бадью действительно упоминает Арто, хотя Арто не является героем его текста, и редактор настоял на переводе названия главы как «Жестокости». Здесь мы видим некую проблему ригидности понятий в переводе, которая в какой-то мере препятствует установлению междискурсивных и межъязыковых связей, препятствует миграции понятий внутри текста.

(Та же схема применима к переводам Брехта)

Перевод поэтического текста Пессоа на русский выполняется в рамках поэтико-философского дискурса. Этот перевод с самого начала может быть источником для философского дискурса. Междискурсивный переход заложен в потенции, а при переводе философского текста Бадью эта потенция актуализируется, и, таким образом, совершается межъязыковой и междискурсивный переход. С другой стороны, при переводе философского текста Бадью, вмешивается третий язык (португальский).

Следующим героем века становится Малевич, а мигрирующим предикатом века и революции – «чистка». Основной мыслью века признается страсть к настоящему

(*passion du réel*), но это и страсть к настоящему как *passion du présent* (или *passion au présent*). Все *свидетели века* живут сознанием историчности происходящего и собственной историчности, моментом настоящего начала, настоящего начинания. Век понимает себя и как нигилизм, и как дионисийское утверждение; мыслит себя одновременно как конец, упадок и как абсолютное начало. Век соединяет мотивы конца и начала недиалектической связью, поэтому, по мысли Бадью, *покончить* и *начать* остаются двумя непримиримыми задачами века. Век, одержимый страстью к настоящему, в то же время является веком разрушения не только в политике, но и в искусстве, и в науке.

Формализация как поиск чистой формы, являясь средством достижения *настоящего*, сопряжена с идеей *чистки*; в XX веке предпринимаются попытки «посредством аксиоматики и формализма **очистить**... настоящее [в искусстве, науке] от всякого, пространственного или числового, интуитивного воображаемого» (Бадью 2016: 72).

Именно поэтому поиск настоящего всегда совмещен с недоверием, с подозрением, что найденное настоящее может оказаться подобием, недостаточно настоящим. Недоверие к настоящему диктует необходимость постоянно проводить чистку.

Бадью обращается к мысли Гегеля, к его размышлениям о революционном терроре, трактуя их следующим образом: «настоящее (*réel*), понимаемое в своей абсолютной случайности, никогда не бывает достаточно настоящим), чтобы не быть подозреваемым в притворстве» (Бадью 2016: 70).

Нет других инструментов, чтобы удостовериться, что настоящее действительно является настоящим, единственным инструментом такого рода может быть вымысел: «Все субъективные категории революционной политики или политики абсолютизма, такие, как “убежденность”, “верность”, “классовое сознание”, “повиновение Партии”, “революционное рвение” и т.д., отмечены сомнением, не является ли в действительности лишь подобием то, что отнесено к категории настоящего (*réel*). Отсюда необходимость **публичной чистки отношения между категорией и ее референтом**, то есть необходимость чистки в рядах лиц, причисляющих себя к данной категории, – чистки в рядах революционеров»⁵ (Бадью 2016: 71). Отношения между

---

⁵ Il faut donc toujours épurer publiquement la corrélation entre une catégorie et son référent,

категорией и референтом - эта идея пронизывает весь XX век, на идее формализации построены многие модели в математике и семиотике. Таким образом, чистка становится одним из основных лозунгов века. Чистка стала и основным лозунгом художественной деятельности.

Страшное слово *чистка*, знакомое читателям прежде всего по сталинским чисткам, превращается в термин, называющий один из основных предикатов века.

On peut tenter de reconstruire la scène politique des grandes **purges** (BADIOU 2005: 80)

Можно постараться реконструировать политическую сцену больших **чисток** (Бадью 2016: 69).

Таким образом, мы видим очевидную подчиненность категории революции философским и эстетическим категориям. Понятие мигрирует между дискурсами политики – искусства – философии – науки.

Чистка это и политическая чистка, и чистое искусство, - l'art pur.

Создаются ряды:

Purge – épurger – l'épuration;

чистка – чистить (очистить) – чистка

Русский язык дает даже более четкую формулу, чем французский, поскольку слова относящиеся к политической и философской чистке совпадают.

Чистка связана со страстью к новому. Чистка как страсть к новому – один из основных мотивов Малевича. Идея *разрушения и чистки* у Малевича раскрывается на знаменитом полотне «Белого квадрата на белом фоне», который Бадью объявляет «апогеем чистки в живописи». Эта чистка проявляется в исключении цвета, формы, в оставлении некоторого геометрического намека, который сохраняет минимальное различие.

Незадолго до создания Белого квадрата Малевич пишет стихотворение, в котором, действительно, можно обнаружить в качестве ключевых слов основные

ce qui veut dire **épuré** des sujets parmi ceux qui se réclament de la catégorie en question, donc épuré le personnel révolutionnaire lui-même (...)

проанализированные предикаты века, свидетелем которого выступил Малевич; это диктат новизны, новой формализации (*не повторять себя, новое рождение, новый день, изчертится тебе новое*), страсть к настоящему, действие здесь и теперь (*мысль твоя сейчас воспримет*), разрыв, разрушение, окончательность, поиск абсолютной формы (*Если что-либо в действе / твоём напоминает тебе уже деянное прошлое / и говорит мне голос нового рождения: / Сотри, замолчи, туши*), чистка (*очисть слух свой и сотри старые дни*), вычитание, извлечение разности, различия (*услышать дыхание нового дня в пустыне*):

Старайся *не повторять себя*, ни в иконе, ни
в картине ни в слове. Если что-либо *в действе*
твоём напоминает тебе уже деянное прошлое
и говорит мне голос *нового рождения*:

Сотри, замолчи, туши скорее если это огонь,
Чтобы легче были подолы мысли твоих
и не заржавели.

Чтобы услышать дыхание *нового дня* в пустыне,
Очисть слух свой и сотри старые дни, ибо
только тогда ты будешь *чувствительный и белый* ибо
в мудрость темным, лежат на платье твоём
и дыханием волны *изчертится тебе новое*,
Мысль твоя сейчас воспримет очертания и наложит
печати поступи твоей.

(МАЛЕВИЧ 2003: 377)

Бадью пользуется готовым переводом Малевича, возникает несоответствие

Lave ton ouïe, efface les jours anciens... (БАДЬЮ 2005: 87);

Очисть слух свой и сотри старые дни... (БАДЬЮ 2016: 76).

Бадью вынужден использовать причастие *lavée*, следуя за готовым французским переводом, где так передано русское «очисть», хотя ему явно хочется использовать глагол из ряда мигрирующих понятий «*epurer*».

«*Le deuxième point est cette ouïe qui doit être lavée pour trouver les contours*». (БАДЬЮ 2005: 88);

Второе – это то, что нужно очистить слух, чтобы изчертить новое. (БАДЬЮ 2016: 77).

Для философа устанавливается соответствие понятий *laver - eriger*, но для читателя оригинального французского текста это не так очевидно.

При переводе же на русский эти мигрирующие понятия приводятся в соответствие, так как выражаются дериватами.

Здесь операция междискурсивного и межъязыкового перевода выполняется в 2 этапа:

1. Сначала согласовать мигрирующие понятия по-русски.
2. Произвести общую процедуру перевода.

Межъязыковое взаимодействие происходит с учетом междискурсивного трансфера, который делает Бадью).

В отличие от случая с Мандельштамом Бадью не совершает межъязыковой перевод, но междискурсивные переходы более обширны и включают в себя переходы между дискурсами искусства, политики и науки.

Различие между миграцией понятий в случае Малевича и Мандельштам также заключается в том, кто отвечает за консистентность понятий. Когда Бадью выполняет собственный перевод, он берет ответственность на себя. В случае Малевича за консистентность понятий отвечает переводчик.

И наконец Mitsammen из стихотворения Целана «Анабасис» это одно из тех слов, которые выражают очень важное понятие совместности или коллективности так, как ее понимает XX век. Знаменитое слово Mitsammen отсутствует в словарях, были попытки исследователей объяснить его через идиш, попытки явно пристрастные к Целану, но и в идише это слово тоже отсутствует. Что это? Немецкий слэнг? Идиш? Оказиональное слово? Еврейско-немецкий? (На еврейско-немецком написан, например, «Разговор в горах» Целана).

Mitsammen посвящены целые статьи (KREFELD 1990). Характерно, что автор статьи пишет Mitsammen с большой буквы, справедливо обращая внимание на то, что это не предлог, а некий ключевой концепт.

С одной стороны, происхождение и статус слова непонятны, с другой стороны, это слово абсолютно понятно и не выглядит окказиональным. Текст Целана не просто скользит мимо конвенциональных значений слов, но оставляет непонятным, насколько слова принадлежат или не принадлежат языку. Это тип слова с невыраженной окказиональностью. Оно осуществляется в этом тексте как опыт открытия, оно свободно «получается».

Mitsammen - это формула опыта невозможной коммуникации, но не невозможности коммуникации. Ничто не предвещает коммуникацию, но вдруг получается это Mitsammen, невозможная коммуникация возможна. Совместность осуществляется не через язык (не декларируется), а в прямом открытии в бессловесном.

У Целана есть еще одно стихотворение «In Eins», которое уже другими словами выражает тот же концепт совместности. Этому стихотворению посвящена статья Деррида о Шибболете Целана (ДЕРРИДА 2012). В этом стихотворении не просто складываются различные языки, но есть некий довавилонский язык, некая единица, межъязыковая идиома.

Деррида в отличие от Бадью принципиально не переводит текст, а цитирует готовые переводы. Опять же, в отличие от Бадью, он мыслит как билингв и использует оригинальный текст. Если Деррида мыслит философские понятия в многоязычном пространстве, то Бадью осуществляет междискурсивный и межъязыковой трансфер.

Марк Белорусец переводит In Eins как «воедино», но и у Лапицкого в переводе «Шибболета» Деррида In Eins тоже передано как «воедино»⁶.

Перевод как In Eins, так и Mitsammen как «воедино» или даже как «вместе» не представляется адекватным, потому что «воедино» подразумевает некое слияние до

---

⁶ В то время как Деррида говорит, что: «In Eins провозглашает сопредписание и соподпись некоего множественного своеобразия» (пер. Лапицкого). (ДЕРРИДА 2012: 56)

образования единого, сложение на общей почве, а ни в In Eins, ни в Mitsammen этого нет.

Совместность – то важное революционное понятие, которое остается актуальными еще и в 60-е гг. во Франции, подобная совместность подразумевает соединение людей как некое происходящее открытие, а не объединение на какой-то общей платформе.

С точки зрения совместности очень важно, что Mitsammen не предполагает уничтожения или насаждения различия между я и мы. Я не подчинено мы, и я не тождественно мы. In Eins, как Mitsammen, это некоторый шатер единства, которое накрывает как некоторое революционное событие. Мы переводим Mitsammen как «в одном», в принципе, так можно было бы перевести и In Eins.

АНАБАСИС

Это

тесно меж стен вписанное
неудобоходимое-истинное
восхождение вспять
в светлое-сердцем Сбылось.

Там.

Слого- и

волнорезы, море-
цветы, в даль –
в невидаль – вдающиеся.

Потом:

бакенов,
стонущих бакенов строй,
с теми
дивно-секундно скачущими
дыхательными рефлексами –: свето-
колокольные тоны (донн-,
динн-, одинн-,

unde suspirat
cor), –
из-
изнывающие,
взывающие, наши.

Видимое, Слышимое,
освобождаясь –
Свод-Слово:

В-Одном.

Перевод с немецкого А. Прокопьева, Т. Баскаковой, Н. Азаровой (Бадью 2016: 114).

Слово Mitsammen, мигрируя из поэтического дискурса в философский, становится способным адекватнее всего выразить один из ключевых концептов революционного сознания XX века. Мы также видим, как мигрирующее понятие выходит за границы одного национального языка.

Операция перевода существует в пространстве между тремя языками, и перевод осуществляется на основе взаимодействия трех языков. Междискурсивный переход и трансфер между тремя языками может быть отражен на следующей схеме.

Эта схема аналогична переводу Пессоа, с той лишь разницей, что уже существовали переводы, которые не обеспечили трансфер в философский дискурс. Это ситуация зеркальная действиям Бадью в случае с Мандельштамом. Новый перевод «Анабасиса»

был сделан мной вместе с Т. Баскаковой и А. Прокопьевым по тем же причинам, что Бадью сделал собственный перевод Мандельштама, несмотря на существующие.

Литература

BADIOU, Ален. *Le Siècle*. Paris: Éditions du Seuil, 2005.

KREFELD, Thomas. *Ästhetik der Sprachlosigkeit. Kulturlandschaft bukowina*. Iasi: Editura Universitari „Alexandru Ioan Cuza”, 1990. P. 135-142.

MANDELSTAM, Ossip. *1923*. Traduit par Henri Abril Dans: Ossip Mandelstam Poèmes, collection bilingue. Paris: Editions Librairie du Globe, 1992.

MANDELSTAM, Ossip. *Tristia et autres poèmes* (Trad. du russe par [François Kérel](#)). Collection [Poètes russes contemporains](#) (n°6), Paris: Gallimard, 1975, 1982.

БАДЬЮ, Ален. *Век*. Пер. Н. Азаровой, О. Никифорова, М. Титовой. М.: Гнозис, 2016.

ДЕРРИДА, Жак. *Шибболет*. Санкт-Петербург: Machina, 2012.

МАЛЕВИЧ, Казимир. *Черный квадрат*. СПб.: Азбука-классика, 2003.

ПЕРС, Сен-Жон. Анабасис. Пер. Г. Погожевой. *Крещатик* 21. (2003), <http://www.kreschatik.kiev.ua/>.

ПЕССОА, Фернандо. *Морская ода*. Москва: Ad Marginem, 2016.